

УДК 342.41

Е. В. Титова

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОМЕРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОНЦЕПЦИЙ ПРАВОПОНИМАНИЯ

E. V. Titova

CONSTITUTIONAL LAWFUL BEHAVIOR: THROUGH THE PRISM OF THE CONCEPTS OF LEGAL CONSCIOUSNESS

В статье, посредством краткого обзора основных концепций правопонимания (естественно-правовой, позитивистской, теологической, психологической) делается вывод об интегрирующем значении концепции конституционного правопонимания для формирования модели конституционного правомерного поведения. Отмечается, что именно конституционное правопонимание способно разъяснить сущность правового поведения и охарактеризовать его правомерность, поскольку именно такое правопонимание объединяет в себе с одной стороны естественно-правовой подход, а с другой включает в себя основные постулаты социологического позитивизма. Посредством конституционного правопонимания, транслируемого, в первую очередь Конституционным Судом РФ, происходит адаптация позитивных догм Конституции в правила поведения, соблюдение которых позволяет характеризовать его как конституционное правомерное поведение.

Ключевые слова: правомерное поведение; конституционное правопонимания; позитивизм; естественное право; нормативистское правопонимания; категория конституционного права.

In the article, through a brief review of the basic concepts of legal consciousness (natural-law, positivist, theological, psychological), it is concluded that integrating the concept of constitutional law interpretation for the formation of the constitutional model of lawful behavior. It is noted that the constitutional understanding of law can explain the nature of legal behavior and to characterize its lawfulness, since it is this understanding combines with the one hand natural law approach, and includes the basic tenets of sociological positivism. Through constitutional interpretation of law, broadcast, primarily the Constitutional Court of the Russian Federation, there is a positive adaptation of the dogmas of the Constitution, the rules of conduct, compliance with which allows to characterize it as a constitutional good behavior.

Keywords: lawful behavior, constitutional interpretation of law; positivism; natural law; normative law; category of constitutional law.

Анализ многочисленных исследований, посвященных проблеме правомерного поведения, позволяет констатировать, что к настоящему времени в правовой теории сформировался ряд его устойчивых классификаций. В частности, предлагается различать виды правомерного поведения в зависимости от таких оснований, как субъектный состав (поведение индивида, социальных групп, государственных органов, общественных формирований, государств в целом); формы реализации права (соблюдение, исполнение и использование); отраслевая принадлеж-

ность норм, регламентирующих поведение (уголовно-правомерное, гражданско-правомерное, трудовое правомерное поведение и т. д.); степень формирования уважительного отношения к праву; степень добровольности в соблюдении правовых предписаний; зависимость поведения от характера и содержания правосознания; психологические факторы (потребность, мотив, установка), а также ряд иных [11, с. 119—120].

Необходимость «самостоятельного» уяснения сущности правомерного поведения в конституционном праве, предо-

15

Конституция,
государство и общество

пределяется рядом факторов. Во-первых, наличием специфики публично-правового и частноправового методов регулирования, затрудняющая формирование обобщенных образов правовых феноменов в теории права [16, с. 5]. Иными словами, содержательное наполнение правомерности в значительной мере определяется отраслевой компонентой, которая препятствует универсализации данного понятия на «надотраслевом» уровне. Однако и осуществление такой универсализации не гарантирует конституционный характер применения общетеоретических конструкций к отраслевому регулированию правовых отношений, поскольку концепты правомерного поведения, выработанные теорией права, хотя и обладающие высокой степенью универсальности, нуждаются в конституционно обоснованной адаптации к конкретным юридическим ситуациям. Во-вторых, качественными свойствами конституционного права, аксиологический инструментарий которого позволяет осуществить ретрансляцию общих закономерностей при переходе к частным характеристикам явлений и процессов с соблюдением логики конституционного регулирования. Это следует из сущности, базисного и одновременно интегрирующего назначения самого конституционного права, призванного быть наиболее эффективным регулятором. Кроме того, именно концепция конституционного правопонимания, производная от философии конституционализма, как концепция адогматичная, идеал которой консолидирующая конституционная практика общественной жизни в ее публичном и частном измерениях [10, с. 22—23], способна решить проблему преодоления монистических концепций правопонимания (естественно-правовой, позитивистской, нормативистской, психологической или какой-либо другой) и приблизить юридическую науку к искомому интегративному пониманию права [7; 8, с. 11]. Однако не стоит забывать, что каждая из монистических концепций привнесла свой вклад в общую «копилку» знаний о праве, сослужив свою историческую роль на том или ином витке развития человеческого общества, государства и права.

Установление содержания правомерного поведения в конституционном праве необходимо и для решения практико-ориентированных задач. Следует признать, что содержание конституционно-правовых категорий зачастую предопределяется широким кругом предпосылок, несводимых исключительно к обстоятельствам юридического ха-

рактера, что затрудняет их адаптацию к практике, в том числе судебной. Они базируются на философских, мировоззренческих представлениях социума об общечеловеческих ценностях, знании о психических процессах формирования правового поведения, уяснении социальной значимости того или иного его варианта для возникновения и функционирования определенных общественных отношений.

Достижение обозначенных целей предлагаем начать с уяснения соотношения категорий «право», «мера» и «поведение», отраженных в различных типах правопонимания.

Предпосылки тех или иных подходов к пониманию правомерности отчетливо прослеживаются в теории естественного права. Так, уже в представлениях софистов формируется представление о том, что все называемое «правом или правдой» представляет собой результат социального консенсуса, выражаемого в соглашении о допустимости определенного поведения. В учении Аристотеля содержится утверждение о том, что справедливость выше юридической беспристрастности, диктуемой законом, и служит средством ее корректировки в случае недостаточности регулирующего качества последнего. Одновременно с понятием права и поведения, основанного на справедливости, в философии Аристотеля раскрывается понимание меры. Рассматривая меру как «то, чем познается количество», Аристотель использует это понятие и в качестве критерия истинности, замечая, что мерой для истины в каждом конкретном случае является сам индивид со своим ощущением должного. Мера, по мнению философа, позволяет определить тот оптимальный диапазон возможного поведения, который находится между нежелательными крайностями, поэтому понятие добродетели в учении Аристотеля ассоциируется с мерой, которая должна избегать как недостаточности, так и излишества. В трудах Цицерона, разум, находящийся в полном согласии с природой, представляет собой истинное, универсальное и неизменное право. Поэтому отсутствует необходимость искать объяснение закона, созданного Богом, вне человека, так как закон представляет собой высший разум, внедренный в природу. Он определяет те действия, которые должны быть совершены, и запрещает поведение, которое не должно осуществляться; при этом, будучи закрепленным и получившим развитие в сознании человека, он становится законом. Как

следствие, нельзя считать изначально справедливыми те положения, которые содержатся в законах и обычаях разных стран и народов. Это обусловлено тем, что справедливость едина для всего человечества и основана на истинном разуме, заключенном в природе, нормы которой и определяют разницу между правильным и неправильным законом [2].

Формирование прообраза понятия правомерного поведения прослеживается и в мировоззренческих концепциях теологического толка. По мнению приверженцев такого правопонимания, в наиболее концентрированном виде представления о надлежащих действиях в той или иной ситуации выражаются в священных писаниях, которые выступают в качестве важнейшего источника права. Таковы, например, библейские заповеди в христианстве, устанавливающие запреты на совершение конкретных действий («не убий», «не укради» и т. д.). Однако, в отличие от норм права, религиозные предписания, будучи основаны на нормах морали, являются «внутренним» регулятором поведения человека. Так, например, Ф. Аквинский, обобщая в своих трудах многовековые теологические воззрения, основанные на тезисе о божественном происхождении закона, приходит к ряду выводов относительно сущности естественного и «человеческого» права. По мнению теолога, существуют наиболее фундаментальные (первичные) и производные от них (логически выводимые из их содержания) детализированные (вторичные) предписания естественного закона, и если последние могут быть в какой-то мере нейтрализованы силами зла, то первые всегда носят неизменный характер. Понятие меры рассматривается философом применительно к высшему первоначалу: подчеркивая, что бесконечное не поддается измерению, он утверждал, что действующее первоначало должно быть в наивысшей степени актуальным, а значит, в наивысшей степени совершенным. Поэтому, будучи безгранично совершенным, божественный разум, и предписываемый им порядок действий, не поддается измерению.

Иной подход к трактовке меры был сформулирован Николаем Кузанским. Согласно его воззрениям, ускользая от всякой соразмерности, бесконечное остается непознанным. Он рассматривал Бога как высшую и наиболее точную меру сущности, основание и меру всего сущего. Одновременно Николай Кузанский вводит опосредующую сферу — ум, этимологически связываемый им с измере-

нием, определением меры и понимаемый как источник образцов для измерения всех вещей человеческим рассудком. По мнению немецкого мыслителя, XV века, «мера каждой вещи, или ее граница, происходит от ума», и именно ум, будучи «абсолютной мерой», характеризует возможность различных измерений (измерение потенциального, измерение абсолютной необходимости, измерение сложной необходимости и др.) [1].

Не рассматривая в рамках данной публикации все разнообразие вариантов религиозного правопонимания, заметим, что они, как и остальные монистические концепции правопонимания являются отражением истории «противоборства» во взглядах на соотношение естественных законов и позитивного права в регулировании поведения. Не является в этом смысле исключением и русская дореволюционная наука. В частности, подход, сторонником которого являлся Н. А. Бердяев, связан с противопоставлением права и религиозных предписаний, отрицанием истинной регулирующей способности позитивного права. По его мнению, право, ограничивая зло, но не будучи при этом в силах победить его, является источником глубокого парадокса в христианском сознании. Тем самым оно обнаруживает бессилие добра, не связанного с высшим разумом. При этом естественные и позитивные законы не могут совпасть, поскольку право, поднятое до уровня религиозных заповедей, утратит свое важнейшее качество принудительности, а религиозные предписания будут представлять собой средство насилия [7, с. 102]. Отрицание эффективности позитивного права как социального регулятора получает развитие и в работах Б. П. Вышеславцева. В предлагаемой им трактовке, закон являлся актуальным лишь для тех цивилизаций, которым были присущи сильное государство и совершенное законодательство, основанное на справедливости. Во всех иных случаях, по мнению ученого, закон не способен эффективно регулировать поведение людей, поскольку отражает несовершенство человека, свидетельствует о его склонности к неправильному, греховному поведению, и, следовательно, не способен выступать в качестве ориентира истинно правильных действий и источника любви и мира в душе индивида [5, с. 21].

Необходимо отметить, что библейские видение многих категорий права, их сравнение с нормами, зафиксированными в сегодняшнем международном праве и конституционной практике весьма акту-

альны в современной юридической науке [3]. Так, по мнению Г. Г. Арутюняна, исследование Божеского и человеческого, небесного и земного в единстве и тесной взаимосвязи соответствует устоявшейся сегодня «конституционной логике», развертывающей конституционные нормы современного права именно в такой последовательности и в такой причинно-следственной связи [12, с. 11—12].

Несмотря на темпоральную и формальную разобщенность религиозных теорий и конституционного правопонимания, можно утверждать, что именно воззрения, выражающие значимость естественных законов, наиболее близко подходят к пониманию правомерного поведения в конституционном праве. Профессор Г. А. Гаджиев обоснованно констатирует, что идея естественного права на протяжении тысячелетий остается бессмертной — так же, как и вера человечества в лучшее будущее. Фактически они выражаются в убеждении, что жизненные отношения основываются на высшем этическом или юридическом начале, которому предназначена роль эталона в процессе конструирования позитивного права. «Вся сложность в том», — замечает ученый, — что об этой «измерительной рулетке» многие пишут, мечтают, но, кажется, никто еще не держал ее в своих руках, хотя попытки такого «инструментального» применения естественного права юристами предпринимались» [6, с. 195].

Естественное право, как регулятор поведения людей, традиционно воспринимается в качестве ряда аксиом, очевидность которых устанавливается при помощи разума. Между тем, постулаты естественного права, устанавливающие правила поведения, нуждаются в проверке с точки зрения их истинности, несомненности, универсальности и логического непротиворечия. Регулируя поведение, естественное право сталкивается с рядом проблем, к которым относятся как ограниченность и недостаточная детерминированность устанавливаемых им правил, так и ограниченная восприимчивость к ним индивидов. Поэтому, по мнению Морриса Козна, представление о наличии идеала справедливости, выполняющего роль универсального регулятора, иллюзорно, так как ни один идеал не является необходимым и достаточным для того, чтобы определить, какой из интересов в конфликте должен получить предпочтение. Соблюдение абстрактных правил может привести к несправедливости, а это означает, что при выборе модели действий нельзя полагаться лишь на

универсальность предписаний. Исходя из этого, можно утверждать, что мера должного должна быть заложена в самом праве [9, с. 321].

Соглашаясь с этим тезисом, следует признать, что естественно-правовые философские теории создают предпосылки для формирования категориального аппарата, применимого для характеристики правомерного поведения. Кроме того, в их рамках получают развитие и те критерии, которые представляются актуальными для «количественной» оценки правомерности: степень достигаемой в результате совершения тех или иных действий справедливости (прообраз баланса ценностей в конституционном правопонимании), степень стремления человека к исполнению закона (прообраз конституционности мотива поведения), разумность (прототип надлежащего правосознания), истинность намерений и т. д.

Таким образом, обращение к положениям, выработанным в рамках теории естественного права, позволяет говорить о том, что многие из них концептуально близки современным представлениям о правомерном поведении в конституционном праве. Это выражается в том, что конституционное право — так же, как и теория естественного права — апеллирует к понятиям справедливости, разумности, добросовестности, признавая существенную роль морали, правовой культуры, сознания (разума) для эффективности процесса правового регулирования.

Иной образ правомерного поведения создается при использовании концепций, присущих юридическому позитивизму. Это связано с тем, что данный вид правопонимания концентрирует внимание на источнике права как форме его выражения. В качестве основного правообразующего фактора в теории юридического позитивизма традиционно рассматривается государство, издающее законы, которые оказывают регулирующее воздействие на поведение граждан и их объединений. С учетом этого правовые отношения, подлежащие регламентации, рассматриваются в качестве феномена вторичного характера, производного по отношению к праву. Должное поведение в юридическом позитивизме ассоциируется с соблюдением закона как правила, обязательность которого не находится в прямой зависимости от его справедливости, соответствия моральным нормам и ценностям общества [17, с. 42—43].

В дальнейшем в теории позитивного права получает развитие такое понимание должного или рекомендуемого поведения

субъекта правовых отношений, которое основано на определении права как меры свободы. При этом допустимость того или иного поведения определяется с учетом установления правом возможности выбора вариантов действий в границах формальной свободы, не препятствующей обеспечению социальной безопасности, справедливости и должного правового регулирования. Характеризуя поведение субъектов общественных отношений, Г. Ф. Шершеневич приходит к выводу, что сами по себе действия, совершаемые на основе нравственных норм, не могут быть разделены на «хорошие и дурные». Такая оценка их индивидом производится исходя из того, способны ли они его самосохранению или нет; соответствующим образом оценивает их и социум с точки зрения общественной полезности. Позитивное право, определяя модели поведения, лежит в одной плоскости с нормами нравственности. Это выражается в том, что как первый, так и второй регулятор нормируют поведение человека в отношении других людей, с социальной точки зрения. Оба эти регулятора учитывают, как социальный результат поведения, так и его мотивы, имеют социальное происхождение и социальную поддержку. При этом основное различие права и нравственности обнаруживается в тех санкциях, которыми поддерживаются нормы каждого из них. Регламентация поведения законом более изменчива, поскольку правовые санкции находятся полностью в руках законодателя, который может сегодня сопроводить ими одно требование, а завтра противоположное. Нормы нравственности значительно более консервативны; однако если нравственной норме, охраняемой общественным мнением, придается юридическая санкция, то норма, не переставая быть нравственной, становится в то же время и правовой. Наоборот, когда у нормы права отнимается юридическая санкция, то она или превратится в нравственную, если встретит поддержку в общественном мнении, или потеряет всякое значение, если не найдет в нем такой защиты [18].

Таким образом, методологический подход к уяснению сущности категории правомерного поведения, основанный на нормативистском правопонимании, основан на признании санкционирования такого поведения государством. Это выражается в установлении государством правил поведения, которые выражают его волю, обладают качеством формальной определенности и обеспечиваются возможностью принудительного исполнения.

При этом юридические нормы поведения лежат в одной плоскости с правилами, устанавливаемыми нормами нравственности, что делает возможным их переход из одного качества в другое.

Такой подход прослеживается и в социологическом правопонимании. Так, например, Р. Иеринг обращает внимание на то, что юридическая норма, обеспечиваемая принуждением, представляет собой абстрактный императив поведения человека, указывая необходимое направление его действий. При этом отличие правовых норм от моральных (этических) требований заключается в наличии у первых обязывающего, императивного характера. Однако социология и психология права больше акцентируют внимание на роли и значении целей и мотивов действий субъектов правовых отношений, объясняющих выбор той или иной модели поведения [19, с. 16].

Это выразилось в объяснении детерминации поведения с помощью различных теорий мотивации, к которым могут быть, в частности, отнесены потребностные теории (Аристотель, Демокрит, Лукреций, Платон, Сократ и др.), бихевиористские (Д. Б. Уотсон, Р. Вудвортс, К. Лоренц, Э. Торндайк и др.), когнитивные (Дж. Аткинсон, У. Джемс, Г. Келли, Дж. Роттер, и др.), психоаналитические (З. Фрейд, К. Юнг, Э. Фромм, и др.), биологизаторские (Ж. Нюттен) и ряд иных. Так, с позиций бихевиоризма в качестве мотива, побуждающего субъекта действовать тем или иным образом, рассматривались любые внешние и внутренние стимулы, способные вызвать или активизировать поведение. По мнению сторонников указанной теории, актуализировало проблему обучения и воспитания, которая заключалась в создании либо блокировании соответствующих стимулов, направленных на инициирование или предотвращение тех или иных моделей действий. Решение этой проблемы, с точки зрения бихевиористов, позволяло осуществлять прогнозирование и управление поведением субъектов общественных отношений [14; 15, с. 40—41]. В последующем эта теория получает развитие в работах необихевиористов, придающих большее значение психике индивида, за счет чего осуществляется его более дифференцированное реагирование на факторы внешнего воздействия. При этом внимание акцентировалось на необходимости учитывать потребности организма человека, определяющие его поведение [20, с. 196—197].

Существенный вклад в понимание обу-

словленности моделей поведения внесла и теория психоанализа, основанного на изучении бессознательных психических процессов на поведение индивида, разработанная З. Фрейдом, А. Адлером, К.-Г. Юнгом, Эрихом Фроммом и другими. Так, например, существенное значение для понимания причин правомерности либо противоправности поведения приобретает то обстоятельство, что психика человека не элиминирует травматичные события, произошедшие с ним ранее, а вытесняет их в область подсознательного. При этом негативные переживания переходят на уровень неосознанного, не прекращая действовать на индивида и приводя лишь к затруднениям, возникающим при попытках осознать первопричины своего поведения и каких-либо потребностей. Продолжаясь в течение длительного времени, такая борьба мотивов с учетом ограниченности ресурсов приводит к изменениям либо во внутреннем мире человека, выражаясь в болезнях, причинении себе вреда, либо реализуется в его противоправном поведении [13].

Обращение к основным концепциям правопонимания, используемым в ис-

следованиях поведения, позволяет констатировать, что каждая из них уделяет преимущественное внимание определенным, наиболее актуальным с точки зрения соответствующей отрасли науки, аспектам изучения данной категории.

Конституционное правопонимание способно разъяснить сущность правового поведения и охарактеризовать его правомерность, поскольку именно такое правопонимание объединяет в себе с одной стороны естественно-правовой подход (закрепление конституционных гарантий естественных прав и свобод человека и обязанности государства по признанию таковых в качестве высшей конституционной ценности), а с другой включает в себя основные постулаты социологического позитивизма (в частности социальную практику реализации конституционных норм). Именно посредством конституционного правопонимания, транслируемого, в первую очередь Конституционным Судом РФ, происходит адаптация позитивных догм Конституции в правила поведения, соблюдение которых позволяет характеризовать его как конституционное правомерное поведение.

Литература

1. Антология мировой философии. Возрождение. — Минск : Харвест ; М. : АСТ, 2001.
2. Асмус, В. Ф. Античная философия : учебник / В. Ф. Асмус ; предисл. В. В. Соколова. — 3-е изд. — М. : Высшая школа, 1998.
3. Баренбойм, П. Д. Библейское начало философии права / П. Д. Баренбойм // Законодательство и экономика. — 2012. — № 2. — С. 9—17.
4. Бердяев, Н. А. О назначении человека / Н. А. Бердяев. — М., 1993.
5. Вышеславцев, Б. П. Этика преображенного Эроса / Б. П. Вышеславцев. — М., 1994.
6. Гаджиев, Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности) : монография / Г. А. Гаджиев. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2013.
7. Графский, В. Г. Интегральная (синтезированная) юриспруденция: актуальный и все еще незавершенный проект / В. Г. Графский // Правоведение. — 2003. — № 3. — С. 54—55.
8. Евдеева, Н. В. Интегративные теории правопонимания в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. В. Евдеева. — Н. Новгород, 2005.
9. Коэн, М. Введение в логику и научный метод / М. Коэн, Э. Нагель. — М., 2010.
10. Крусс, В. И. Теория конституционного правопользования / В. И. Крусс. — М. : Норма, 2007.
11. Оксамытный, В. В. Правомерное поведение личности (теоретические и методологические проблемы) : дис. ... д-ра юрид. наук / В. В. Оксамытный. — Киев, 1990.
12. Папаян, Р. А. Христианские корни современного права / Р. А. Папаян ; вст. ст. Г. Г. Арутюняна. — М., 2002.
13. Руткевич, А. М. Научный статус психоанализа / А. М. Руткевич // Вопросы философии. — 2000. — № 10. — С. 9—14.
14. Торндайк, Э. Принципы обучения, основанные на психологии // Основные направления психологии в классических трудах. Бихевиоризм / Э. Торндайк, Джон Б. Уотсон. — М. : АСТ-ЛТД, 1998.
15. Уотсон, Д. Б. Психология как наука о поведении / Уотсон Джон Б. // Основные направления психологии в классических трудах. Бихевиоризм / Э. Торндайк, Джон Б. Уотсон. — М. : АСТ-ЛТД, 1998.
16. Филиппова, С. Ю. Инструментальный подход в науке частного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / С. Ю. Филиппова. — М., 2013.

17. Чистое учение о праве Ганса Кельзена: сб. пер. — Вып. I. — М. : АН СССР ИНИОН, 1987.
18. Шершеневич, Г. Ф. Общая теория права / Г. Ф. Шершеневич. — Т. II. — М. : Изд-е Бр. Башмаковых, 1910.
19. Экспериментальная психология. — Вып. V / ред.-сост. П. Фресс, Ж. Пиаже ; пер. с франц. ; предисл. и общ. ред. А. Н. Леонтьева. — М. : Прогресс, 1975.
20. Якобсон П. М. Психология чувств и мотивации / П. М. Якобсон ; под ред. Е. М. Борисовой. — М. : Институт практической психологии ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1998.

ТИТОВА Елена Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, исполняющая обязанности заведующего кафедрой конституционного и административного права, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет). 454080, г. Челябинск, пр. В. И. Ленина, 76. E-mail: titova_elena@bk.ru

TITOVA Yelena Victorovna, candidate of legal Sciences, associate Professor, acting head of the Department of constitutional and administrative law, South Ural state University (national research University). 454080, Chelyabinsk, Lenin Avenue, 76. E-mail: titova_elena@bk.ru

For citation: **E. V. Titova** Constitutional lawful behavior: through the prism of the concepts of legal consciousness

Problemy prava (Issues of Law) founders journal № 1(55).2016. pp. 15—21.

